

Было далеко за полночь. Дождик стучался в окно моего кабинета, барабанил о жёсть подоконника. Яркие прожекторы освещали мокрые склады, гараж, высокое проволочное ограждение. Свет отражался длинными бликами на сыром асфальте, в растекшихся, пузырившихся лужах.

Через дверь кабинета прорывался шум цеха, в котором осуждённые делали корзины из проволоки под бутылки для молока. Этот приглушённый шум напомнил мне о работе. Я поднялся из-за стола. Мне надо узнать, как выполняется план.

Сжатый воздух свистел, вырываясь из клапанов сварочных машин. Машины вздрагивали – вверх-вниз двигались электроды, летели искры; бухали обрубные станки.

В этом непрерывном грохоте, искрах, тяжёлом запахе гари осуждённые, «жулики», как их здесь называли, в чёрных робах, защитных очках за сварочными машинами, станками напоминали грешников в аду.

Бригадиры были в раздевалке, сидели на лавке у вешалки с повседневной одеждой осуждённых, – Мажуков и Фёдоров. Моё появление стало для них неожиданным. Они растерянно посмотрели на меня, а потом посмотрели на пол-литровую банку с чифиром на табуретке.

– Сколько у тебя на выходе? – спросил я Мажукова.

– Шестьдесят стоп.

– Это сколько, девятьсот корзин?

– Да.

– А у тебя?

– Столько же, – ответил Фёдоров.

Фёдоров сидел за то, что грабил церкви.

– И много вы ограбили церквей? – спросил я.

Он не ожидал такого вопроса и оценивающе посмотрел на меня. Три года назад его спрашивал об этом следователь. Его наказание зависело от количества ограбленных церквей.

– Не хочешь – не говори, – сказал я.

Если преступление не связано с изощрённой жестокостью, если не сдерживают другие соображения, то осуждённые сами охотно рассказывают о своих былых похождениях.

– Помню, когда я впервые пошёл на дело, – начал Федоров, – переживал невозможно. Представьте себе августовскую ночь, моросит дождик – вот как сегодня. Впереди меня чёрный силуэт церкви. Сажу я между двух могил. Древнее кладбище. Ещё купцы какие-то похоронены. Элита. Торчат кресты. Жутко. И вот, верите, случился бы стрём какой, я между могил так и остался бы. Говорю, переживал невозможно! Подельник мой вырезал решётку автогенем. Залез. Я принимал у него. Всего так и колотит – никак успокоиться не могу. И вот подельник подаёт мне массивный серебряный кубок, говорит: «Борис, это же деньги! Деньги!» Я моментально расслабился, как рукой сняло. Мне даже весело стало. Чего, я думаю, боюсь? И до того мне весело стало, что захотелось запеть. Как опьянел всё равно. И верите, если бы нам помешал кто тогда, я убил бы его, наверное.

– Убил бы? – спросил я.

– Что говорить – дело прошлое.

– Бывает, что случайно, – сказал Мажуков. – Бывает, что случайно убить можно.

– А сбывали как?

– Если бы у нас хватило ума согласиться на двадцать пять тысяч, то сегодня я с вами не разговаривал бы. Но мы, как бараны, уперлись в тридцать. Казалось бы, пять кусков, какая разница? Вот сейчас думаю. Есть монастырь такой. Полтора часа, и монастырь ограблен. И то, что товар был припрятан, и то, что мы сами укатили за сто километров – всё это входило в эти самые полтора часа. Утром звоним процентнику...

– Процентнику?

– Человеку, который ищет покупателя. Звоним ему и говорим, что есть товар. Наша цена тридцать тысяч, три тысячи твои. Он, конечно, соглашается. Как сейчас помню, встретились с ним у станции метро «Библиотека имени Ленина». Подъехали на такси. Товар у нас был в сумках. Переложили к нему в машину. Отвёз нас к себе. Дома переложили товар в три чемодана, здоровенные, деревянные, обшарпанные все.

– Что хоть вы награбили?

– Серебро с позолотой, книги, доски. Сложили товар в чемоданы и разбежались. Процентик уехал договариваться, говорит, позвоните через три дня.

– А если бы он забрал товар и привез?

– Такого не бывает. Мы его прекрасно знаем: кто он, что он, где работает, живёт. Чуть что – убили бы или дураком сделали. Звоним через три дня. Он назначает встречу на Калининском проспекте у кафе «Валдай». Встретились. Говорит, такое дело, со мной пойдёт только один. А нам какая разница? Заслали Гошу, он в этом деле спец. Потом рассказывал, что в комнате, куда завёл его процентик, собрался целый консилиум – человек восемь. Все с лупами. Наши доски, книги дотошно рассматривают. И дают цену – за всё двадцать пять. Гоша к нам, такие дела. Мы ни в какую – тридцать, и всё! Они знали, что товар ворованный. Короче, упёрлись, что они, что мы. Как бараны! А тут ещё Гоша психанул. Не хотите, как хотите! Загружаем товар в здоровенные чемоданы и отчаливаем. Калининский проспект, людно,

а мы с этими «гробами». Сами одеты культурно. И хоть бы один мент обратил внимание. Мало того, потом целый час ждали электричку на Казанском вокзале.

– Ну а попались как?

– Как всегда, по глупости. Мы опять звоним процентнику. Куда деваться? Он нам: «Ребята, подождите». Оказывается, специально по нашему делу должен прилететь мужик из Красноярска. Запахло отличной деньгой! Да только Гоша всё испортил. Захотелось ему гульнуть. Поехал в Москву, где и встретил одного знакомого барыгу. Слово за слово. Тот своё предложил, Гоша своё: «Тебе, случайно, не надо серебра?» – «Какой базар, я этим как раз занимаюсь». Гоша предложил серебряный крест с позолотой и камешками. Через день Гоша опять в Москву. Как вышел из электрички, его стали фотографировать. Он, конечно, ничего не замечает. Встретился с барыгой в сквере. Тот осмотрел товар, говорит: «Подожди меня здесь, деньги в машине». Гоша ждёт. Куда денешься? И дождался на свою голову: подъехала «Волга», и через минуту Гоша сидел в ней со скрученными назад руками.

– Выходит, его барыга сдал?

– Попался он, видно, раньше на каком-то деле. И чтобы смягчить вину, решил оказать услугу милиции.

– А Гоша тебя?

– Он сначала думал, что это провокация. Свой же брат – жулик может такую шутку выкинуть. «Арестуют», а потом устроят «побег». И товар при них, и тебе хорошо: убежал от «милиции». Но выкуси – вывели его из машины, повёл он глазами: «Петровка, 38». Дай-ка, – он обратился к Мажукову, который отпил из банки чифира.

Мажуков подал ему банку.

– Одно я жалею, срок – девять лет. Годика три – ещё можно. Но девять! Всю жизнь исковеркали, сволочи... – Фёдоров отпил чифира маленьким глотком. – А пострадал в этой истории больше всех шофёр.

– Какой шофёр?

– Ну, тот, что привёз нас к монастырю. Мы заплатили ему двести рублей из расчёта сто рублей за час работы. Он и знать-то раньше нас не знал. Шофёр директора Госбанка. На суде я говорил, что он не виноват, что он не знал о наших намерениях. Только один чёрт ему дали шесть лет. Спрашивают меня: «Мог ли подсудимый Волков слышать, о чём вы переговаривались на заднем сидении?» – «Нет, – отвечаю, – мотор дребезжал. Не расслышал бы».

– Дребезжал мотор у «Волги» директора Госбанка? – усомнился Мажуков.

– Ну, и теперь этого балбеса спрашивают: «А вы догадывались, что они сделали?» – «Да, – отвечает, – смутно».

– Действительно балбес, – согласился Мажуков.

– Вот ему и дали шесть лет за то, что он догадывался, но не сообщил милиции!

Послышались торопливые шаги по лестнице – и в раздевалку, где мы сидели, вошёл рабочий с потока, в чёрной робе, кирзовых ботинках, с оборванным приводным ремнём:

– Мажук, у меня обрубной встал.

– Гражданин механик, ремень надо, – обратился ко мне Мажуков.

Мы пошли с Мажуковым ко мне в кабинет. Выстланный железной плиткой пол в коридоре цеха был скользким. Тускло светили лампы. Чернота ночи пряталась по закоулкам цеха. Доносился грохот обрубных

станков, шипение сварочных машин, пахло гарью. Мажуков шёл сгорбленно. Я давно обратил внимание на его нездоровую походку.

– У тебя радикулит?

– Почки больные.

– Простыл?

– В милиции отбили. У них не было улики, что убил я.

– Не пойму, ты убил или нет?

– Ну, я. Так ведь у них не было улики, не было!

Я дал Мажукову новый приводной ремень.

– А кипишу-то сколько – монастырь ограбил! – вдруг сказал он. – На это много ума не надо. По двери трахнул ногой. Она, прогнившая, с петель! Я тоже обчистил бы церковь в глуши и хвалился бы. А какой в этом понт? Ты бомбани монастырь в Загорске! Милиции и кагэбэшников не пересчитал бы!

Когда он ушёл, я вскипятил воды в пол-литровой банке, заварил чай. Этой банки мне хватит до утра, потом поеду домой отсыпаться.